

Т Е Н Ь Л О Г О В А

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ТЕНЬ ЛОГОВА»:

Взгляд со дна

Шаги в пустоте

Сгоревшая жизнь

Части ее тела

Рикошет

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА
РИКОШЕТ**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13 Рикошет / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо,
2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-198894-4

Ограбление банка... Сюжет весьма популярный у авторов детективного жанра! Но в романе «Рикошет», пятой книге серии «Тень Логова», преступление отягощается случайным убийством. Или не случайным? Разобраться в этом предстоит следователю Артуру Логову, а его помощница Саша Каверина, конечно, не останется в стороне. За кого ей придется выдать себя на этот раз?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198894-4

© Лавряшина Ю., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

— Всем на пол! Лежать!

Темно-серая плитка пола показалась раскаленной, когда она вытянулась по приказу, чувствуя, как неловкость пробивается сквозь ужас. Прихлынувший жар, гулко шумевший в голове, не мог вытеснить из памяти того, что на ней прямая юбка, прикрывающая колени, и сейчас она, кажется, задралась. Всем видны ее дряблые, белые ноги... Татьяна Андреевна и хотела бы натянуть ее, но в одной руке была сумка с наличными, которые только что отсчитал ей кассир, а другой — она прижимала Вишенку — малюсенького тихого йорка.

Как же она не успела выйти из банка?! Задержалась подкрасить губы... Черт бы с ними! На них давно никто не заглядывается. А если грабители в черных балаклавах начнут палить из своих пистолетов, ей уже точно будет все равно, каким полицейские потом найдут ее тело. Grimас отвращения она уже не увидит.

Задыхаясь от пыли, скопившейся на полу, в который пришлось уткнуться лицом, и страха, звенев-

шего в голове все громче, Татьяна Андреевна пыталась думать о том, что происходящее слишком напоминает сцену из какого-то боевика. Когда она в последний раз смотрела фильм про ограбление? Даже не вспомнить... А тут внезапно угодила в другую реальность, не имеющую ничего общего с ее спокойной, размеренной жизнью начинающей пенсионерки.

Муж, покинувший этот мир три года назад, оставил ей приятный счет, проценты с которого поддерживали на плаву. За ними она и пришла сегодня в банк... Говорил сын, что никто уже не пользуется наличкой, сплошная головная боль! Уговаривал держать деньги только на карте... Вот послушала бы, не пришлось бы навещать в офис банка, находившийся даже не в ее районе. Но Татьяне Андреевне было приятно раз в месяц совершать такой визит, воображая себя богатой женщиной с крошечной собачкой под мышкой. Нравился изысканный интерьер, сочетающий светлые тона с теплыми, а медового цвета диванчики так и манили присесть. Даже вода в кулере казалась здесь особенно вкусной!

Кто бы мог подумать, что в таком райском месте может произойти чудовищное?!

— Не смотри на них, — шептала Татьяна Андреевна то ли своему терьеру, то ли себе самой. — Даже головы не поднимай.

В Вишенке она была уверена даже больше: ее собачка отличалась от многих собратьев покладистым нравом и молчаливостью. Хозяйка даже не помнила толком ее голоса — так редко Вишенка подавала его. Разве что тихонько попискивала, пока наполнялась ее миска. Так что за нее опасаться не стоило.

И в тот же момент собака дернулась всем телом, громко взвизгнула и разразилась лаем.

А следом прозвучал выстрел...

* * *

Солнечный свет и птичьи трели стекают по еловым ветвям и невесомой паутиной висают между сосновыми иглами. Просыпаться летом за городом — одно удовольствие. Особенно когда не нужно, как миллионам других, бежать на электричку и отправляться на работу в Москву.

Вот только не мне считать себя везучей...

Но я позволяю себе не вскакивать с постели, как только пробудилось сознание, понежиться, пытаюсь разглядеть ускользающие видения, лениво погадать — к чему такое приснилось? И это уже неплохо, если забыть обо всем остальном.

Я не забыла. Просто стараюсь не вспоминать.

И Морфей щадит меня, не посылает сны о прошлом. Если честно, мне вообще видится ночами всякая неразбериха, ничего связного. Интересно, существуют ли на самом деле люди, так подробно помнящие сны, как героиня Умы Турман в «Окончательном анализе»? Правда, в финале выяснилось, что она все сочиняла...

Я прислушиваюсь к тихой жизни нашего большого дома: Артур с Никитой наверняка уже уехали, накормив собак. Когда я просыпалась после их отъезда и вслепую добиралась до кухни, чтобы на ощупь сделать себе кофе и тогда уже проснуться окончательно, на большом овальном столе меня каждый раз ждал подарок — букетик ромашек или

шоколадный батончик. Несколько раз я находила блокнотики с забавными обложками, а однажды это были три билета в кино... Почему я ни разу так и не спросила, кто из них двоих дарит мне утреннюю радость? Наверное, мне не хотелось этого знать.

«У них же первый день отпуска, — вспомнилось внезапно, когда я уже подходила к кухне. — Подарка не будет, они оба дома. Но собаки уже точно позавтракали — молчат...»

Их могла бы накормить и я, ведь это была моя затея с собачьим приютом, но Артур всегда встает раньше, и они с Никитой так трогательно заботятся обо мне, давая поваляться подольше... Со стороны и не подумаешь, что мы трое — чужие друг другу люди, которых вместе свели горе и одиночество.

Уже почти полгода мы живем в доме моего отца, который про себя я продолжаю называть именно так, не добавляя «покойного». И без того ни на секунду не удастся забыть, что их с Машкой, моей старшей сестрой, убили именно здесь. Не в самом доме, в бассейне, который теперь стоит пустым, точно пересох от страданий, но дела это не меняет.

Это не единственная зияющая дыра, возникающая с прошлогоднего мая, когда мне только исполнилось восемнадцать и мама в день рождения разбудила меня взглядом. Она сидела на краешке моей постели и смотрела с отчаянием — совершенно неподдельным.

— Ты что? — спросила я шепотом, спросонья даже не вспомнив, какой наступил день.

— Сашка, — произнесла она трагическим голосом, — ты стала совершеннолетней. А как же я?

Как будто я намеревалась тут же собрать чемодан и скрыться за горизонтом, даже не сдав ЕГЭ!

Я забралась к ней на колени, что совсем нетрудно при моем росте и весе, которые не изменились с тринадцати лет, и мама долго баюкала меня, прижавшись щекой к спутанным спросонья волосам. Было так тепло и спокойно... Как всегда рядом с мамой.

Когда ее убили в нашем подъезде и Артур, как следователь, который вел это дело, пришел сообщить мне, хотя у самого связки кровоточили от боли, я впервые узнала, что это вовсе не метафора: мир почернел... Казалось, меня разорвет от ужаса, ведь моя реальность распадалась на кровоточащие куски. Как я вообще выжила без мамы?!

При этом нельзя сказать, будто я безумно горюю по отцу с сестрой... По Машке чуть больше, чем по нему, бросившему нас с мамой еще при жизни. Но вот забыть, что это его дом, — не удастся. Я думала, будет легче переселиться сюда из маленькой московской квартиры, опустевшей без мамы, заполнить дом бежавшими от мужей женщинами, которым нужен приют... И собаками, мечтающими о хозяине.

Но однажды я поняла, что все они по очереди начнут влюбляться в Артура — и женщины, и собаки... Тогда наш дом станет сумасшедшим. Не то чтобы я считала, будто он теперь до конца жизни должен хранить верность памяти мамы, но предугадывала: меня точно не обрадует, если Артур Логов станет крутить романы на моих глазах. С собаками проще, даже если все они будут считать хозяином только нашего прекрасного следователя, а мы с Ни-

китой, его помощником, будем кем-то вроде обслуги. Это как раз ничего, в собаках столько любви — ее хватит на всех. Но вот с несчастными женами я решила повременить...

Первой в наш дом вошла Моника. И это как раз таки собака, а не женщина. Артур задумал забрать ее из приюта «ДогДом» после первой же совместной прогулки. Тогда мама еще была жива, и мы втроем наведывались к приютским песикам по выходным. Первое знакомство с Моникой обернулось для Артура полным отчаянием: ему так и не удалось усмирить страх в ее взгляде. Поэтому он и запомнил эту собачку, поэтому и забрал, как только мы перебрались в отцовский дом в Подмоскowie...

Теперь они друг в друге души не чают: Логов очаровывал Моникау осторожно, как диловатую девушку, уже пережившую обман и разочарование. Они подолгу гуляли вместе по берегу Учи, тогда еще покрытой льдом. Потом следили, как вода пробивается на волю, и Моника по-прежнему держалась настороженно. В мае я не раз замечала, как они просто сидят рядом на коротенькой свежей траве, и Артур даже не пытается погладить ее жестковатую шерсть, просто рассказывает о чем-то. Может, о моей маме, он ведь тоскует по ней не меньше, чем я... А собака бросает короткие взгляды и отводит свои удивительные, будто подведенные карандашом глаза, все еще не решаясь поверить, что этот человек не обидит.

Но мы все не теряли надежды, что перелом в их отношениях случится. И этот день совпал с началом лета, которое сразу же заявило о себе двадца-

тиградусным теплом. Артур вернулся с работы еще до заката солнца, как все нормальные люди, и после ужина лениво растянулся на прогретой за день траве. И вдруг Моника, встретившая его, как всегда, застенчиво, подобралась к нему, легла рядом и положила голову ему на руку, совсем как влюбленная девушка.

Я смотрела на них через открытое окно кухни. Артур поймал мой взгляд и сделал «большие глаза», выказав изумление и восторг. Шевельнуться он долго не решался и, кажется, дышал через раз... А Моника тихонько задремала, согретая теплом его тела и вечерними лучами. Из дома мне не видна была ее морда, но я не сомневалась, что наша собака улыбается во сне. Поверить в то, что счастье не просто возможно, а уже — вот оно, с тобой! — какое это блаженство... Обмякнуть, окутанной ощущением абсолютного доверия. Я тоже испытываю нечто подобное рядом с Артуром — это человек, который не обидит и не предаст. Нам с Моникой повезло, что он взял нас под свое крыло...

— Ты подсматриваешь за ним?! — опешил Никита, ворвавшись в кухню и застав меня у окна.

— Сдурел совсем? — огрызнулась я. — Сам взгляни: Моника впервые улеглась рядом с ним. Сама! Вот на что я смотрю.

С Никитой Ивашиным мы были на равных, хотя он-то уже окончил институт, куда я даже не стала поступать. Прошлым летом — понятно почему, а в этом году, когда Артур намекнул, что можно бы и подумать о «корочке», я откровенно призналась: ни малейшего желания поступать в вуз не испытываю. А зачем? Вряд ли кто-то может научить меня пи-

сать прозу, а ни к чему другому я тяги не испытываю. Буду набираться мастерства у любимых писателей, блага книг в доме — целые шкафы...

Кажется, Артур тогда хотел сказать еще что-то, скорее всего, намекнуть, что я могла бы стать со временем его коллегой, но успел сообразить: в качестве добровольного помощника я принесу больше пользы. В этом Логов убедился уж не раз. Меня не сковывали никакие официальные рамки, я могла примерять маски и даже чуточку обманывать людей ради выяснения правды, которую они сами скрывали от следователя — из опаски или привычного недоверия властям... А с такой милой светловолосой девочкой с огромными голубыми глазами многие отмякали и начинали откровенничать.

Так что Артуру было на руку то, что я участвую в расследованиях подпольно, хотя его начальник полковник Разумовский (для меня — Павел Андреевич!) обо мне отлично знал. И закрывал глаза на наши не совсем законные действия, ведь в конечном счете, как ни парадоксально, они были направлены как раз на восстановление законности.

В общем, и в этом году меня никто не стал уговаривать поступать в институт, и я продолжила наслаждаться жизнью с двумя «следаками», каким-то невообразимым образом ставшими моей семьей, и пятью собаками, включая Монику, которым выпала честь стать основателями нашего приюта для животных.

Но Моника была первой. Мы решили, что ей необходимо не просто привыкнуть к Артуру (и заодно к нам с Никиткой), но почувствовать себя его единственной собакой. Мы даже приюту дали ее имя,

ведь она стала кем-то вроде прародительницы стаи. Почему-то мне казалось, будто Моника понимает это и ценит...

Смешно, конечно!

* * *

По выходным Никита старался готовить завтраки, которые помнились бы потом всю неделю, ведь в будни они с Артуром наспех перекусывали бутербродами, порой не успевая даже сесть за стол, на бегу, и уезжали в Комитет. Для Логова главное было залить в себя кофе, который он варил сам и таким, что у Никиты глаза на лоб лезли от крепости.

А чем питалась Сашка, он даже не знал... Спросил как-то раз, но она отмахнулась:

— Ой, не бери в голову! Что я — маленькая?

«Конечно, маленькая, — подумал он тогда с нежностью. — И не только ростиком... Тебя хочется нянчить и нежить. Если б ты только позволила...»

Именно для нее Никита с утра пораньше замешал тесто на блины, осторожно сдув пылинки со специальной сковородки, которой никто не пользовался, кроме него. Когда купил ее, то опасался, что Логов начнет подтрунивать, но тот отнесся к приобретению с неожиданным уважением. Ивашин объяснил себе это тем, что его начальник ценит профессионализм, чего бы это ни касалось. Если уж печь блинчики, то на правильной сковороде!

У Никиты они получались тоненькими и не жирными, и это сразу откликнулось в Сашке воспоминанием:

— Мама такие же пекла...

Он испугался, что расстроил ее, напомнив о главной потере, и уже готов был дать себе слово больше никогда... Но тут Сашка просительно улыбнулась:

— Пеки их почаще, ладно? Обожаю... Ну когда у тебя время будет, конечно!

«Для тебя? Всегда!» — Никита удержал эту клятву в себе, но с тех пор выходные не обходились без блинов — на завтрак или на ужин. Сашка любила макать их в сгущенку, Артур предпочитал сметану, а сам Никита привык есть блины со смородиновым вареньем.

Услышав Сашкины шаги наверху и шум воды в ванной, Никита быстро включил сковороду, и когда она достаточно прогрелась, зачерпнул небольшой поварешкой жидкое тесто и заполнил черный круг, сделав его светлым.

«Чем не Малевич?» — ухмыльнулся он, любуясь своим произведением, похорошевшим еще больше, когда блин перевернулся золотистой стороной. Почему-то только сейчас Никита задумался: то, что среди кухонной утвари, имеющейся в доме Сашкиного отца, не оказалось блинной сковороды, — можно считать попыткой стереть из памяти все, связанное с бывшей женой? Раз Оксана пекла вкусные блинчики... Понятно, что сам Сергей Каверин не стоял у плиты, но была же у него кухарка или кто-то вроде этого? Новая жизнь должна была стать новой во всем? И стала. Но ненадолго...

Последнее прозвучало злорадно, такого Никита не хотел. Ловко перекинув готовый блин на большое блюдо, он прислушался к происходившему за окном, чтобы отвлечься от нехороших мыслей. Все, кто ранил Сашку, автоматически становились

его врагами, хотя об этом, может, никто и не догадывался, ведь открыто Ивашин не выказывал враждебности. Но подозревал, что не протянул бы руки, если б Сашкин отец тонул на его глазах... Но об этом позаботилась Русалка.

Как ни страшно звучало, и все же выходило так, что именно Русалку он должен был благодарить не только за это, но и за то, как преобразилась его собственная жизнь. Сашка вошла в нее и — самое поразительное! — осталась. Чудовищное зло обернулось для него счастьем. Правда, Никита ни разу даже не заикнулся об этом вслух, но, кажется, мысли Логова текли в том же направлении, потому что как-то он заметил, поймав взгляд своего помощника, неотступно скользкий за Сашкой:

— Ты шел к ней всю жизнь... Да, парень? Если б ты не окончил юрфак, не пришел в Комитет, не стал работать со мной, то Сашка просто тебе не встрети-лась бы.

Ему здорово полегчало от этих слов, но справедливости ради Никита заметил:

— Она не со мной. Даже сейчас. Мы просто живем в одном доме.

— Это верно, — отозвался Артур безжалостно.

Но тут же добавил:

— Сегодня дела обстоят так. А что там будет завтра, никому не ведомо.

Сердце Никиты скакнуло до самого горла:

— Вы... Вы думаете, у меня есть шанс?!

— Что я думаю, вообще не имеет значения, — вздохнул Артур. — А какие мысли бродят в голове этой милой особы, известно только ей... Мне кажется, у тебя есть один-единственный путь: привязать

Сашку к себе. Приручить, если хочешь... Ну ты помнишь Экзюпери! Если ты станешь ей необходимым настолько, что она не будет представлять своей жизни без тебя, тогда — бинго!

«Он прикалывается или действительно так думает?» — Никита наморщил лоб, но уточнить не решился. В словах Логова был свой резон, хотя такой путь выглядел довольно уныло: она не влюбится, просто смирится с его присутствием... Согласен он на такое?

Никита спрашивал себя об этом каждое утро и виновато улыбался своему отражению в ванной: «Конечно, согласен...»

— Блинчики! Блинчики! Обожаю! — пропела Сашка, возникнув на пороге.

Никита решил пошутить:

— Меня или блинчики?

— Тебя-тебя, — прощелбетала она и первой уселась за стол. — Артур встал?

В зеленых шортах и желтой маечке она выглядела восьмиклассницей. Светлые волосы поймали солнечный луч, зазолотились, а глаза стали совсем прозрачными — они темнели только от злости.

— Спрашиваешь! Он с Моникой уже оббежали вокруг усадьбы.

— А он стал больше двигаться, как она появилась, — одобрительно заметила Саша. — Ему на пользу быть собачником.

— Почему раньше не завел?

— Понятно же — один жил. Он целый день на работе, любая затоскует...

«Она не сказала “собака”, — отметил Никита. — Женщине тоже не в радость муж-следователь?»

И решил почти мгновенно: «Я сменил бы работу ради нее...»

— Артур идет, — заметил он через одно из окон — в кухне они были объединены эркером.

— На запах явился, — хмыкнула Сашка. И вытянула шею: — У тебя уже все?

— Парочка осталась. Доставай сметану, варенье...

— Сгущенку!

— Само собой. Как же ты без сгущенки!

Было так уютно сидеть за столом, в центре которого высилась горка блинов, еще исходивших теплым паром. «Как будто мы — настоящая семья, — подумал Никита растроганно. — И неважно, кто кому кем приходится...» Втолковать это постороннему было бы трудновато, а себе они давно не пытались ничего объяснить.

Моника после прогулок всегда возвращалась в свою будку, не входила в дом вместе с Артуром. Он полагал, что так она защищена от ревности братьев, которых у нее было четверо. Кобелей уже кастрировали, и двум девушкам — второй была Мари, покоровшая Сашку тем, что встала на задние лапы, уговаривая забрать с собой! — ничто не угрожало.

Старейшиной в собачьем семействе был десятилетний Дики, почти с рождения живший в «ДогДоме», где с ним и подружилась Сашка. Когда они с Оксаной только начали помогать приюту для животных выгуливать собак по выходным, Сашка казалась такой былиночкой, что ей решались доверить лишь самого спокойного пса, который никуда не рвался, неспешно шел по полю, наслаждаясь самим процессом, и с достоинством помечал территорию.

— Он провел в приюте целую жизнь! Ничего другого не помнит. Так и просидел в клетке десять лет... Должен же старичок хоть выйти с пожизненного, — она отстаивала право Дики переселиться к ним с такой болью, что ни один из них не посмел возразить.

Они не пожалели: когда у собак возникали разногласия, Дики со вздохом поднимался и вставал между спорщиками. Почему-то они тут же умолкали, хотя старик ни разу ни на кого даже не гавкнул... Может, в собачьем племени больше почтения к старости? Даже Бутч, импульсивный и чернявый, как испанец, затихал, хотя всегда готов был «подоставать» приятелей и без усталости прыгал вокруг добродушного Друлла.

До «великого переселения» Дики жил в одном вольере с Мари и длинноногим Друллом, веселой пятнистой расцветкой напоминающим джек-рассела. Эта троица так привязалась друг к другу, что в приюте их водили гулять только вместе. Причем самой боевой из них была Мари...

«У них сложилась такая же странная семья, как у нас, — думала Саша, пытаюсь гладить всех собак одновременно. — Их нельзя разлучать. Это Моника — одиночка. А Бутч... Он привыкнет к ним».

Сама Сашка тянулась именно к Бутчу, хотя водить его на поводке было мукой мученической. Наверное, поэтому неугомонного пса уже дважды возвращали «усыновители».

— Больше никто тебя не обидит, — прошептала она, приподняв висячее ухо.

А Никита, наблюдая за ними, уныло подумал: в нем самом Сашке, похоже, как раз и не хватает такого взрывного темперамента и радостной неуго-

монности. Он больше походил на улыбчивого, спокойного Друлла, но Сашкиным любимцем стал не этот славный, добрый пес...

* * *

Они уже почти покончили с блинами, когда позвонил Разумовский. Никите показалось, что Артур взглянул на телефон умоляюще: «Замолчи, а? Дай мне хоть день побыть дома...»

Но проглотив большой кусок, он уже просипел в трубку:

— Да, Павел Андреевич. Слушаю.

— Ты там не пьешь случаем? — в голосе полковника прозвучало подозрение, чуть сдобренное завистью.

— Почему — нет? У меня отпуск начался.

— Позже отгуляешь. Так ты чем там занят?

— Блины ем. — Он тяжело вздохнул, увидев, как все планы на день вылетают в трубу.

Разумовский одобрил:

— Уже лучше... Тогда быстренько доедай и выезжай на ограбление банка на Большой Семеновской.

Артур приподнял брови:

— Ограбление? Это ж не моя тема...

— Директор банка убит. Грабители ушли. Трое их было...

— Много взяли?

— Всего пару миллионов... Сразу после выстрела пустились в бег. Мы объявили «Перехват», но пока все мимо...

— Понятно. Едем. — Логов уже поднялся, знаками показывая Сашке, чтобы дала ему салфетку.

Она ловко выдернула желтый квадратик из фарфоровой подставки, похожей на белый парус, и протянула ему. Рискуя подавиться, Никита дожевывал блин, жестами заверяя, что практически готов.

— Можно мне с вами? — просительно протянула Сашка, когда Логов спрятал телефон. — Я уже засиделась...

У Никиты вырвалось:

— А как же собаки?

— А что с ними случится? У нас забор почти три метра, они никак отсюда не сбегут.

Они оба уставились на Артура, но он и не думал возражать:

— Да конечно! Куда они денутся? Компания у них отличная, не заскучают. Поехали.

Для всех собак у них были обустроены симпатичные деревянные будки — никаких вольеров! Насиделись за решеткой... Правда, внутрь постояльцы забирались редко, предпочитая мягкую траву. На зиму Сашка собиралась утеплить будки, но сейчас в этом не было необходимости — в Подмоскovie пришло настоящее лето, и бескрайнее небо исходило долгожданным теплом. Правда, накануне прошел ливень, загнавший собак под крыши и раскинувший широкую двойную радугу от горизонта до горизонта.

Сашка задохнулась восторгом:

— В Москве такого не увидишь! Все небо дома закрывают...

— Хорошо в деревне летом, — насмешливо протянул Никита.

Но она не поддержала, бросила на него строгий взгляд: